

Маяк современного просвещения и образованности

Часть 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М39

М39 Маяк современного просвещения и образованности: Часть 5 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 183 с.

ISBN 978-5-517-93306-5

Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. - «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») - литературно-политический журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1840-1845, ежемесячно. Издатели - В.И. Поляков, с середины 1840 г. - П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, затем Ю. А. Юнгмейстер. Редакторы - П.А. Корсаков и С.А. Бурачек, с 1842 - С.А. Бурачек. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1840 года

ISBN 978-5-517-93306-5

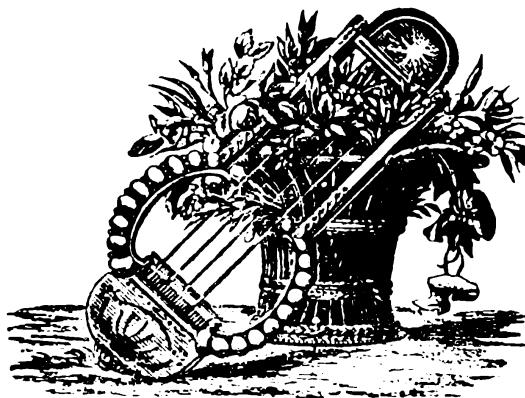
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКОЕ СЛОВО.

И.... Г,... ВОЙ.

Я люблю языкъ прекрасный
Чудной Русской стороны;
Русской рѣчи строй согласный,
Будто лепеть сладкогласный.
Перекатистой волны;
Будто звучный громъ потока,
Эхо музыки живой,
Будто гимнъ пѣвца востока,
Друга розы молодой.
Съ давнихъ порь онъ въ душу всѣиъ,
Говоръ — звуковъ красота,
Сердцемъ Русскимъ воалѣлиъ,
Вложенъ въ Русскія уста.
Быть согрѣть онъ счастьемъ славы,
Быть весельемъ разг҃ѣченъ,
Быть и горечью отравы
Отъ судьбы онь напоенъ.
Такъ пройдя тропой суровой
Поле тысячи годовъ,

Часть V. Гл. II

Гармоническое слово
Льется, полно жизни новой,
Въ груди пламенныхъ сыновъ.
Грусть ли на сердцѣ заноеть,
Горе ль въ душу зашадеть,
Съ сердца грусть оно смоеть,
И душа съ нимъ отдохнетъ.
Если жъ радостью захжется
Утро жизни молодой,
Усть багрянецъ засмѣется,
Вспыхнуть очи свѣтлой:
О! тогда весь жаръ кипучий
Въ слово яркое войдетъ,
И оно струей пѣвучей
Сбрызнетъ звуки въ хоръ летучий,
Мѣлкой трелью разбрѣтъ.
Если жъ молвитъ стройной рѣчью
Красной дѣвѣ милой другъ,
Приклонясь къ ей оплечью

Про сердечный свой недугъ,
Страсти пламень, чувства море,
Целый міръ любви святой,
Въ стройномъ Русскомъ разговорѣ
Завучить предъ красотой.
И она отвѣтить нѣжно,
Будто птичка запоетъ,
И счастливца бѣлоснѣжной
Ручкой - дивомъ обовьетъ.

Вотъ каковъ языкъ державный
Царства Русского органъ,
Голосъ Руси православной,
Чудодѣйный талисманъ!
Русью славенъ онъ и звученъ,
Русью пылокъ и могучъ,
Духъ родимый въ немъ заученъ,
Онъ къ сердечной двери ключъ.
Жрецъ его, я пламеню
Жертвой чистою ему,
Въ немъ я думою мою
И витаю и живу.

Ученица дорогая,
Дѣва милая моя,
Полюби же, изучай,
Звуки отческаго края,
Слово чувства и огня!
Что въ красѣ чужихъ нарядій!
То ли дѣло звукъ родной,
И волшебство Русской речи,
И напѣвъ едъ живой!

Я. ЩЕТКИНЪ.

-
-
-

ЛОКОНЪ.

Русый локонъ, локонъ диво!
Въ первый разъ засиялъ ты
Надъ чалымъ едъ, игриво,
Полонъ чудной красоты.
Въ первый разъ, ты отруйкой мажной
Лѣшился, засыхаешь, какъ шутъ
По ланитѣ бѣлоснѣжной,
Къ ней присталъ, какъ дитя.
Въ первый разъ, и -- какъ ужъ ловко
Чародѣйствуетъ тобой
Дѣва прелесты, то головкой
Застрѣнъ тебѣ порой.
То затрогаетъ такъ нѣжно,
То откинетъ отъ лица,
То на лѣмъчика небраско
Вѣстъ, то снами расплала.
Русый локонъ, локонъ диво!
Ты волшебницей сї даешь,

Какъ подарокъ особливый,
Какъ могучий талисманъ.
Изъ подъ зыбкаго разбѣга
Твоихъ змѣйчатыхъ кудрей --
Малютъ розы, дышетъ нѣга
Отъ лаворевыхъ очей.
И улыбка -- чаровница,
Какъ въ прозрачныхъ облакахъ
Перелетная зарница
Чуть играеть на устахъ!

То-ли дѣло локонъ черный,
Въ лоскѣ, въ розыши кудрей;
То волнуется покорно,
То ласкаеть зыбъ лилей. --
То привѣтствуетъ розъ нѣжной
То, извѣтъ ее, какъ змѣй,
Какъ ревнивецъ неизбѣжный
Заслоня отъ очей. --
То вдругъ тучею взыграеть
И разпрѣснется кругомъ;
Засверкаеть, запылаеть --
И приникнетъ надъ чаломъ.
То чело -- звѣзда вѣнчаетъ
Вокругъ объемля волоса;
Но лучей она не знаетъ:
Всѣ лучи сошли въ глаза.

Д. ВЫ - СКОЙ.

-
-
-

ОЧИ.

Звѣзды очи -- лазурь ночи,
Путеводный неба дарь!
Даны очи, чудо очи!
Зной, и пламень, и пожаръ.
Словно мѣсяцъ надъ волнами
Слиткомъ радужныхъ лучей
Вы горите, а надъ вами --
Туча темная бровей.

Эта туча мглой отлива
Набѣгаешь ли на власъ,
И зарницею игривой --
Блещетъ ярче власъ атласъ.

Дѣвы очи -- жизнин море,
Для кого же танте вы
Въ этой нѣгѣ, въ этомъ взорѣ
Предзвѣстіе любви? . . .

Кто тотъ смертный? . . . онъ во многомъ
Чародѣемъ долженъ быть;
Чародѣемъ, полубогомъ,

Чтобы могли вы полюбить; —
Чтобы могли, не опаляя,
Полной роскошью скѣтать,
И чаруй, и лаская,
Не заставить умереть.

Я не вынесъ! Два, три раза
На меня сверкнули вы —
И, въ груди кипитъ зараза
Нензѣданной любви!

О, молю васъ, не глядите;
Сердцу страшно за себя;
Не томите, не маните,
Вы сожжете полюбя.

Полюбя сожжете?... Что же,
Колебаться буду ль я?...
Нѣть, мнъ счастья мигъ дороже
Долголѣтья бытія.

Ваше все! Остатокъ жизни,
Какъ *отличную супку*
Въ жертву вамъ, безъ укоризны
Въ вашемъ пламъ засвѣчу.

• A. ВЫ — СКОЙ.

МѢХЪ И УГОЛЬ,

*Подражаніе новой баснѣ Віенне, увѣнчанной
съ постѣднемъ засѣданіемъ плены Парижскихъ
академій. *)*

Передъ костромъ щепы, обрубковъ но-
вой хаты —
Горячій углекъ величиною съ орехъ;
Упалъ съ печной лопаты;

А тутъ-же у костра — на грѣхъ —
Торчаль и раздувальний мѣхъ.
„Бѣдняжка! угольку бормочетъ поджи-
гало:

„Что будетъ безъ меня съ тобой?
„Въ минуту жарь застынетъ твой
„Какъ будто бы его и не бывало,
„И пригодишься ты, мой жалкій уго-
лекъ,
„На то, чтобы тобой — (за неимѣньемъ
мѣха)

*) Съ истиннымъ удовольствіемъ передаемъ
смыслъ этой остроумной басни въ подтвержде-
ніе сказанного нами читателямъ Малка, объ из-
мененіи духа Французской словесности и напра-
вленіи ея отъ пештествства къ новой, высшей,
благородѣйшій цѣли. Дай Богъ не сглазить!
Редакц.

„Шалунъ, забравшись въ уголокъ,
„Мараль каракули! . . . Тебѣ задамъ я
дѣла,
„Подую на тебя и пламени давъ токъ,
„И отражу твой блескъ надъ мглой ду-
бравной сѣни

„Такою яркостью лучей,
„Что передъ славою твоей
„Падеть потомство на колѣни,
„И въ честь тебѣ, временъ новѣйшихъ
геній,

„Съ молвой народной въ ладъ,
„Журналы — гимны прогремятъ.“
Мѣхъ дунулъ разъ, два три — и уголь
пмъ раздутый

Восторгомъ засверкалъ, запрядалъ — самъ
не свой,
Несется, искрится надъ мѣлкою щепой,
И запалилъ костеръ; но не прошло ми-
вуты

Съ тѣхъ поръ какъ тотъ костеръ
сухой

Зардѣвшись съ громкимъ трес-
комъ,
Утышилъ нашего героя пыннымъ блес-
комъ, —
Бѣдняжка въ искрахъ весь разсыпался
надъ нимъ;

И мѣхъ — надутый поджигало —
Сгорѣль съ наперникомъ своимъ....
Гдѣ жъ слава ихъ? Оборотилась въ
дымъ!

Отъ мѣха дуло лишь осталось
Безъ жизни, безъ души
Зарытое въ пыли, въ глухи . . .

Вы, раздуватели народнаго пожара —
И вы, сердца исполненные жара,
Орудья жалкия народныхъ бѣдъ и смутъ!
Пусть мѣхъ и углекъ урокъ вамъ по-
дадутъ.

P. K — въ.

ЧЕРВЯКЪ.

(въ ГРЕЧЕСКОМЪ ВКУСѣ).

Жиань человѣка есть Гордіевъ узель, такъ
что чѣмъ больше
Мы разсуждаемъ объ иной, больше себя
тлаготимъ,

И только мечь Александра — смерть разъ-
чить намъ его.

Пусть мудрецы — пустословы кричатъ:
почему Богъ имъ не дать
Денегъ и власти; межъ тѣмъ какъ иные
вельможи
Сытно ъдять и славно живутъ безъ осо-
бой причины.
Станетъ ли хлѣбъ упрекать пекаря, по-
чему онъ не сладокъ?
Такъ червяку ль-человѣку, кричать сво-
имъ слабымъ умишкомъ,
Какъ? почему? и зачѣмъ, Богъ его соз-
далъ такимъ?
Древніе врали довольно; Бентамъ, Кон-
дильякъ, и другіе
Также любили повратъ.... — всѣмъ имъ
типунъ на языкъ!
Впрочемъ *de mortuis bene aut nihil*, сказа-
ли они же,
Такъ мы теперь и обѣ нихъ, и обѣ жи-
зни своей помолчимъ.

Глупо не вѣрить Творцу, и напрасныя
дѣлать усилия,
Открыть своимъ слабымъ умомъ, то что
ждеть человѣка за гробомъ.
Не лучше ль взглянуть на природу; она,
какъ ручей свѣтозарный,
Сказанья Творца отражаетъ въ своихъ
чудесахъ и дѣлахъ.

Взгляните — весна разыгралась, и вотъ
на зеленомъ листочкѣ
Сапфирной головкой склоняясь, ползеть
изумрудный червякъ;
И бѣдный листокъ для него, какъ для
насъ шаръ земной безграниценъ.
Нашъ день для него цѣлый вѣкъ, и вотъ
ужъ облекшись корою,
Какъ саваномъ, онъ недвижимъ, лежитъ
ожидалъ возстанья;
Но вотъ запрала заря, засияла денница
въ лазури,
Червякъ встрепенулся, и вдругъ, распра-
вивъ златистыя крылья,
Въ эфиры полетѣлъ мотылькомъ, отды-
хать на тюльпанахъ и розахъ.

Такъ точно и жизнь человѣка прохо-
дитъ. Сперва пресмыкаясь,
Какъ червь, онъ ползетъ и трудится,
потомъ возвращается въ чрево
Матери общѣй — земли; эта твердая матерь,
человѣка

Къ лучшей жизни готовить, чѣмъ вѣ-
жная кровная матерь.
Здѣшняя жизнь испытанья, а тамъ воз-
раждается смертный,
Къ жизни бессмертной; чтобы какъ мо-
тылекъ среди сада,
Блаженствовать въ Царствѣ небесномъ,
если былъ жизнью доволенъ,
Какъ жесткимъ листочкомъ червякъ;
если въ любви и страданье
Исполнилъ свое назначенье, и выплакаль
всѣ свои слезы.
ДЖУНКОВСКІЙ.

ПРАХЪ НАПОЛЕОНА.

Народъ шумитъ на площадяхъ Парижа;
Народъ шумитъ въ Палатахъ и домахъ;
И требуетъ Наполеона прахъ
И маршаль, и солдатъ, и гражданинъ.
Вдали же
Отъ шумныхъ береговъ, отъ оживлен-
ныхъ странъ
Въ надеждѣ получить прахъ сильного
властики
Кипитъ, бурлитъ, реветь матежный оке-
анъ,
И въ голосъ громовой, валовъ сливай
клики,
Въ пучину влажную зоветъ вождя вож-
дей —
Онь охранялъ его въ дни бѣдствий отъ
людей,
И панихиды пѣль Кто переси-
литъ въ спорѣ,
Иль человѣчество, иль ропотное море?
Рѣшить законъ судьбы.... Фрегатъ ужъ
на волнахъ,
И люди, и вали зовутъ Героя прахъ.....
ДЖУНКОВСКІЙ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ. (*)

Голубое небо
Вдругъ покрылось тучей,
Молодое сердце
Омрачилось горемъ.
Ахъ, за чѣмъ ты, небо

(*) Прелестное стихотвореніе: „Думы поэта“ напечатано въ IV части и приложено одному изъ тому же Поэту, по ошибкѣ корректора оскорблево подписано мужескаго имени *Макшиевъ*. Сотшивъ загладить свою тажкую вину. Редакт.

Вдругъ покрылось тучей?
 Отчего ты сердце
 Омрачилось горемъ?
 Набѣжала туча,
 Отвѣтаетъ небо;
 Посѣтило горе,
 Говорить мнѣ сердце.
 Но не лъзя ли тучу.
 Съ голубаго неба
 Свѣять южнымъ вѣтромъ?
 Нѣтъ ли средства, горе
 Молодаго сердца
 Разогнать весельемъ?
 Нѣтъ: густая туча
 Разольется влагой
 И дождемъ отбрызнетъ;
 Обольется сердце
 Отъ земнаго горя,
 Какъ дождемъ, слезами.
 Какъ промчится туча,
 Солнышко проглянетъ
 На прозрачномъ небѣ;
 А пройдетъ кручинка,
 Радость заблистаетъ
 Въ обновленномъ сердцѣ.

В. МАКШЕВА.

ДВА АНГЕЛА

Посвящается А. Е. Лачинову.

„Какъ только родился на свѣтъ человѣкъ, —
 Миѣ въ дѣтствѣ такъ нянѧ моя говорила,
 Двухъ Ангеловъ шлетъ къ нему Божія
 сила,
 И Ангелы тѣ берегутъ его вѣкъ.
 Одинъ изъ нихъ Ангелъ духъ добрый,
 прекрасный
 И съ правой стоитъ онъ всегда стороны,
 Другой всегда съ лѣвой, духъ злобный,
 опасный,
 Онъ также хорошъ, но съ душой сатаны.
 И если ты добре сдѣлаешь дѣло —
 На душу повѣть крыломъ серафимъ,
 Но чуть лишь что злое въ умѣ проле-
 тѣло —
 Крыломъ тебѣ демонъ одѣнетъ своимъ.“
 Храня всегда свято разскажь своей нянѣ,
 Младенческимъ сердцемъ добро я любилъ,
 Не зналъ ни печали, ни слезъ, ни стра-
 даний,

И съ волею мыслей и чувствъ и жела-
 ний —
 Одно лишь благое сдружило, породнило.
 И жизнь моя, иѣжной рукою хранима,
 Неслась, и ее миновала печаль.
 И счастливъ я былъ подъ крыломъ Се-
 рафима,
 Недобрый же ангель скрывался все въ
 даль.
 Такъ дѣтство промчалось, и юность мгно-
 венно
 Инымъ бытіемъ мнѣ наполнила грудь,
 И опять нежданно рукој дерзновенной
 Въ душѣ моей пламень сгасиль вдохно-
 венный,
 Толкнувъ сиротою на новый мнѣ путь.
 И годы бѣжали; завѣтъ моей нянѣ
 Утратилъ я скоро изъ пылкой души,
 Невольникъ страстей, незнакомыхъ жела-
 ний,
 И ѳръя на полѣ подъ знаменемъ браны
 Двухъ Ангеловъ стражей не видѣль въ
 тиши.
 И былъ я и весель и грустенъ порою,
 Разубранный міръ еще пылко любилъ.
 И рвалъ я цветы, осторожной рукою,
 И много я терпій въ пути находиль.
 Когда жъ моя юность какъ сонъ пере-
 мчалась,
 Когда я тѣснѣе стала съ міромъ знакомъ,
 И въ сердцѣ одна лишь отрада осталась
 Назвать все былое исчезнувшимъ сномъ:
 Я въ этомъ минувшемъ тону какъ въ
 туманѣ,
 На образы дѣтства вздыхая гляжу,
 И мысли о доброй покойницѣ нянѣ
 На память я часто себѣ привожу.
 И вотъ изъ тумана возникло видѣнье —
 Блестящій вокругъ разливается свѣтъ —
 И Ангеловъ стражей знакомыя тѣни
 Мелькнули чрезъ много мнѣ лѣтъ.
 Въ раскальны тяжкомъ гляжу я направо —
 Стоитъ одинокъ въ далекѣ Серафимъ,
 Смотрю я на лѣво, а Ангелъ лукавый
 Крыломъ покрываетъ меня ужъ своимъ.
 Въ слезахъ сожалѣнья мой Ангель дале-
 кий,
 И книга бѣла моего бытія;
 А близкій съ исписанной книгой порока
 Смѣется, восторги тая.
 Я вздрогнулъ, —молю Серафима, ио крылья
 У доброго духа спустились къ землѣ,
 Гоню духа злобы, напрасны усилия,
 Стоитъ онъ съ отвагой на грозномъ челѣ.
 И злаго лишь только молитва отводитъ.

Хоть дорого стоять мнѣ демона шагъ,
Но Ангель мой добрый въ то время под-
ходить
Всегда веселье и кротокъ и благъ. . . .

АЛЕКСАНДРЪ ЧУЖБИНСКІЙ.

1839. Февраля 27.
Исковцы.

ОРЕЛЬ.

Надоблачный житель орель быстрокры-
лый

Покинулъ нагую скалу.
Туманъ по долинѣ клубится унылый,
А солнце сияет орлу.
Онъ воленъ, свободенъ надоблачный жи-
тель,
Онъ крыльями рѣжетъ лазурь,
Удалили бури въ земную обитель,
А онъ не пугается бурь.
И царственныхъ крыльевъ широкимъ

размахомъ
Летаетъ надъ массами тучъ,
Паритъ незнакомый съ ребяческимъ стра-
хомъ:
Бластитель пернатыхъ могучъ!
Но вотъ за чертою широкаго круга
Ихъ случай съ орлицею свѣль,
Манить его въ лѣсъ благовонный подру-
га —

Спустился на землю орель.
Пернатому жизнь полюбилась земная,
Онъ счастьемъ съ подругой богатъ,
И гость, уже рѣдкій небеснаго края,
Онъ вывелъ красивыхъ орлятъ.
По прежнему смотритъ на солнце мо-
гучий —

Тотъ свѣтъ восхищаетъ глаза;
Но лишь не подъ нимъ, а надъ нимъ уже

тучи

И бури и мглы и гроза.
И въ небо во время земной непогоды
Унести его крылья хотятъ,
Но какъ же? для этой минутной свободы
Ужель онъ покинетъ орлятъ?
И вотъ позабыть онъ тотъ край отда-
ленный,
Не мчится въ дыму облаковъ —
И цѣлую занять одной неизмѣнной —
Онъ ловить орлятамъ авѣрковъ.
Но часто порою въ часъ утра занятый

Глядитъ онъ на сводъ голубой —
И видитъ въ лазури чуть точкой замѣт-
ной

Играетъ орель молодой . . .
Вотъ зависть на время какъ будто зна-
кома

Земному счастливцу орлу, —
Онъ крылья расправилъ, летить
и ужъ дома

Къ орлятамъ присѣлъ на скалу.
И дѣти встрѣчаются его восхищались,
И въ знакъ возрастающихъ силъ, —
Они у отца, къ нему нѣжно ласкались,
По перышку щиплютъ изъ крылья.

АЛЕКСАНДРЪ ЧУЖБИНСКІЙ.

1838. Февраля 1.
Чучуевъ.

ВОСПОМИНАНИЕ КОЗАКА.

Русь чего не испытала!
Нынче что! А въ старину,
Вотъ какъ дѣдушка бывало,
Поразкажеть про войну.

.
Нѣть, покойникъ зналъ уловку,
Ужъ не бойсь не проморгнеть!
Если снялъ съ стѣны яштовку,
Такъ ужъ даромъ не прийдетъ.
И красавецъ былъ дѣтина!
Чуть не сажень ли въ плечахъ,
А усища въ полъаршина
Завивались на щекахъ.

Нѣть! куда теперь тягаться,
Молодымъ до стариковъ;
Было время разгуляться,
Силамъ старыхъ козаковъ.

Дѣдъ не разъ на полѣ брани,
Словно дома пировалъ;
И не разъ волну Кубани,
Дѣдовъ конь перецѣльвалъ.
Все случалось! сѣть и выюга;
Пуля свищетъ надъ челомъ,
У коня трещитъ подпруга.
Конь упалъ подъ сѣдокомъ. —
Но мой дѣдъ и пѣший рубить,
Быть бы цѣлъ его булатъ;
Пошутить старику не дюбить,
Врагъ Цара — ему не братъ.

Да! — не разъ надъ головою,
Мечь на мечь онъ принимадъ;
И Турацкою чалмою,
Кровь на сабль вытираль.
Для меня минули годы,
Все козакъ — да ужъ не тотъ;
Тяжелы ему походы,
Онъ благо не снесеть.
Грустно вспомнить про быюе,
Время чудной старины;
Такъ и бьется ретивое,
Такъ и хочется войны.

ВИДИНІУСЬ.

г. Воронежъ.

Три отрывка изъ Бильдердейка. *)

1.

МОЕЙ ЕДИНСТВЕННОЙ,

СТАНСЫ.

(Подражаніе Бильдердейку — юношъ.)

Малютки зиѣзочки, красавицы ночей,
Чай блескъ — не силою лучей,
Но пестротой обворожаетъ взоры,—
Когда вы, съ высоты, миллионами очей
Привѣтствуете рощи, горы,
Долину злачную, серебряный ручей!
Что вы и весь вашъ блескъ приманчивый,
чудесный,
Когда луна, въ ночи, освѣтить сводъ не-
бесный?

*) На дніахъ получиль я изъ Нидерландовъ цѣлыхъ сорокъ два тома стихотвореній Виллема Бильдердейка, замечательнаго изъ новѣйшихъ поэтовъ Голландіи, о которомъ говорилъ я въ моемъ „Очеркѣ Голландской литературы.“ Предполагая написать отдаленную монографію сего великаго человѣка, который гениальными произведениями своими, въ продолженіе целаго пятидесятилѣтія, восхищалъ всѣхъ Нидерландскихъ читателей, предлагаю читателямъ Малака трехъ образчика поэзіи Бильдердейка, отговаривающіе три эпохи его жизни, и зваконящіе съ чувствомъ, характеромъ и умомъ сего даровитаго поэта. П. К.

Часть V. Гл. II.

Цвѣтки желанные, краса луговъ, полей,—
Вы — первенцы весеннихъ дней
Расписанные пурпуромъ и златомъ;
Наперники, друзья игриныхъ вѣтерковъ!
Что вы — предъ сладкимъ аро-

матомъ,

Предъ дивною красой царицы всѣхъ цвѣ-
товъ,—
Предъ розой пышною, когда надъ поч-
кой алой
Она раскинется, отбросивъ покрывало?

Пичуги нѣжныя, хозяева лѣсовъ,
Пѣвцы на тысячи ладовъ,
Ученики безхитрѣйшей природы
Въ восторгѣ радости поюющія любовь
И нѣту счастливой свободы;
Чай голосъ сладостный, воспламеняя
кровь,
Звучить въ осиновой глухи позеленѣлої!
Что все вы, съ пѣснями, предъ страстью
Филомелой?

Зажега милая *), огонь души моей,
Любимый свѣтъ моихъ очей!
Гдѣ словъ найти на похвалу прекрас-
ной —
Тебъ, которая между земныхъ пѣвцовъ
Нѣжнѣе Филомелы страстью;
Предъ чай красой — ничто — царица
всѣхъ цвѣтовъ;
Тебъ, моя луна межъ свѣтлыми звездами;
Тебъ — мое одно и все — подъ небесами?

2.

БЛАГОДѢЯНІЯ,

АФОРИЗМЪ.

(Подражаніе Бильдердейку — мужу.)

Неблагодарному благотворя народу,
Бросай дары — какъ будто въ воду:
Не жди хвалы отъ рыбъ нѣмыхъ;
Богъ зритъ дѣла твои и Онъ сознаетъ ихъ.

*) O lieve Stokster van myn gloed!

3.

ФИЛОСОФИЯ

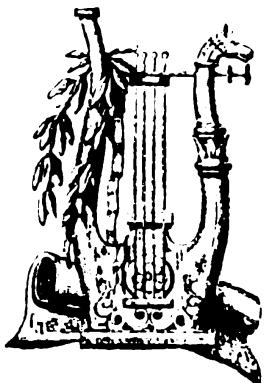
ДІАЛОГЪ.

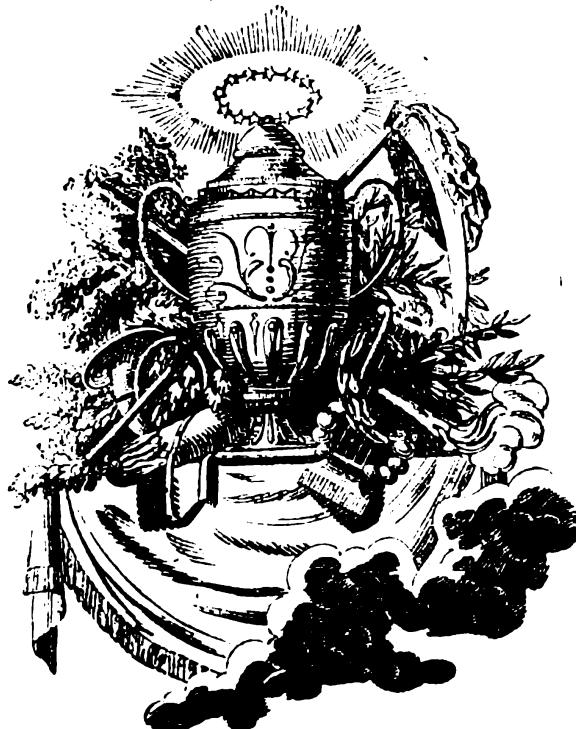
(Подражаніе Бильдердейку — старцу)

— Кто ты? — „Я философъ.“ — А! мудро-
сти искатель? — „Важнѣе.“ — Кланяюсь; такъ чѣмъ ты?
— „Мудрецъ.“
— Мудрецъ! — „Извѣстный всѣмъ.“ — Не
ошибись пріятель:
Не болѣй ли одной наполпенъ твой ларецъ?
А на нее одну топоровъ не скупають;
Голодныхъ сытыми въ пирахъ не вели-
чаютъ. —
„Я сльдѣ открыть въ тайникъ всѣхъ зна-
ній.“ — Добрый путь!
Но полно такъ ли, другъ? Прямою ли
тропою

Идешь ты, чтобы потомъ съ дороги ис-
свернуть:
Какъ ленты — стелются стези передъ то-
бою,
А жизни лугъ широкъ — и миръ тебѣ,
атлетъ,
Когда достигнешь ты до цѣли ожиданій!
Но сколько есть такихъ, кого — въ концѣ
скитаній —
Ждала не истина, а суeta суеть:
За то, что всѣ они не мудрости искали,
А славы мудрецовъ — мищурниаго плаща;
И истина его срывала съ ихъ плеча,
И обнаженные въ презрѣнии погибали....
Не разъ видаль и какъ труженикъ иной —
Всѣ ноги истоптавъ въ ногонѣ за мечтой,
Всѣ проглядѣвъ глаза на солнышко, подъ
вечеръ —
Своей усталою, измученной рукой —
Ловилъ . . . неуловимый вѣтеръ!!! —

П. КОРСАКОВЪ.

ПРОЗА.

—
—
—

ДѢВИЦА ФАНШЕТА

и

ВЗДОРНЕЯ КЛПГИ.

Быть и я молодь — теперь уже старик. Много вещей плачевыхъ и забавныхъ случалось со мной: тв и другія тогда съ ума меня сводили, теперь я отъ души смысью самымъ трагическими событиямъ со мной. Расскажу вамъ одно изъ нихъ; но напередъ позвольте пофилософствовать. Что дѣлать, старики вообще брюзгливы: я и этому смысью; а все какъ пофилософствуешь, то будто и солнце теплже греть. Прошу же прислушать.

Родъ человѣческій дѣлится на двѣ трупы: одна все лжетъ, другая всему вѣритъ. Актеры той и другой трупы поминутно меняются ролями: кто сейчасъ солгалъ, тогдъ черезъ минуту уже вѣрить соседней лжи; изъ этого уа етъ

vientъ выходить глубокая философическая истина: человѣчество поминутно само себѣ лжетъ и само себѣ вѣритъ. Только вотъ что странно: чѣмъ разсудительнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ податливѣе на вѣру всякихъ пошлостей и вздору, безъ дальнихъ справокъ, и столько же тугъ на вѣру вещамъ истиннымъ, резоннымъ; и наоборотъ, чѣмъ проще, немудрѣе человѣкъ, тѣмъ яснѣе онъ различаетъ истину отъ лжи. Почему это такъ, не берусь объяснять: а что оно такъ, то вы сами все это хорошо знаете по себѣ. Изъ этого выходить какъ дважды два, что вѣра есть всеобщая черта и умшаго и глупаго человѣчества: тогда какъ, не погнѣвайтесь, просвѣщенный разумомъ надѣлено только

ко — глупое человечество, т. е. та великай половина его, которая походя мыслить вздоръ, чувствовать вздоръ, желасть вздоръ и дѣлать вздоръ, вѣрить вздору самыи разумныи, важныи, отчетистыи образомъ; и думаетъ, что она удивительно умна. Это точно таки: вы можете каждую минуту повѣрить на практикъ. Всего лучше посмотрите на юное просвѣщенное человечество: что можетъ быть глупѣе вѣры въ свое всезнаніе, всемошіе? и юное человечество оть души вѣрить, что оно все знаетъ, что оно все можетъ, что оно — умнѣе всего человечества. Въ эту эпоху вѣра въ самомъ высшемъ развитіи. Конечно дается она для чего нибудь путнаго, высокаго; только употребляется-то она почти сплошь на безпутнѣе, низкое. Но это не мое дѣло. Я хочу только сказать, что молодежь обоего пола всего болѣе практикуетъ свою вѣру въ романахъ, комедіяхъ, повѣстяхъ и водевиляхъ, и ужъ какъ вѣрить всему, что тамъ читаетъ! Да романы же и пишеть большою частью молодежь оть 20 до 50 лѣтъ включительно; то мудрено ли, что наслѣдуя другъ по другу всякий вздоръ, они переписываютъ тоже самое «своими словами», не справляясь, такъ ли полно все это на свѣтѣ?

Нынѣшнюю нашу (французскую) словесность называютъ неистовою — это несправедливо: она просто — пошлая. Посмотрѣли бы вы на словесность моего времени: вотъ — то была словесность неистовая раг *excellence*, достойная бабушка нынѣшней внучки. И какъ тогдашнее человечество вѣрило ей! и всеми силами старалось на практикѣ воспроизводить ея теоріи. Чуръ не падать въ обморокъ *mésdames*.

Лафонтенъ, Бокачіо, Луветь со всею романическимъ братіей увѣрили насъ: что всеобщій развратъ повсюду различа; что каждая молоденькая девушки только и ждетъ — помолвки; о замужнихъ

женщинахъ и говорить нечего: имена ихъ не произносились въ мое время безъ смѣху или таинственной улыбки: это — мудрецы такъ увѣрили насъ — крѣпости, открытая для каждого осаждающаго; даже въ медовые мѣсяцы, онъ уже «вызываютъ желающихъ»: утѣшать ихъ въ пошлостяхъ замужства....

Бѣдные мужы перепугались до смерти! Моліеръ, самъ великий Моліеръ, жертва всеобщей вѣры, ужасно встревожился! и на первый случай изобрѣлъ, въ утѣшеніе мужей, комедію нравовъ; для нихъ и простодушный Лафонтенъ, одинъ изъ правовѣриыхъ современниковъ, писалъ оть всей души свои сказки, гдѣ такъ рѣзко осмыкается супружество, какъ величайшая глупость.

Въ старину наряжали Гименѣя въ тунику желтаго цвѣта сгосео *velatus amictus*; въ наше время этотъ цвѣтъ былъ — вещь непремѣнная въ гербѣ каждого женатаго человѣка. А что это правда, въ томъ готовы были поклясться всѣ молодые люди 18-ти и 19-ти лѣтъ. Однако, чтобъ не обидѣть моего изъ моихъ современниковъ и воздержаться отъ всякой личности, я рѣшаюсь пожертвовать собою и на одного себя обращаю общій смѣхъ.

Я вступилъ въ свѣтъ точно съ такими же глубокими понятіями, почерпнутыми вѣрою во все печатное, кроме, разумѣется, печатнаго, достойнаго всѣй нашей вѣры; ничего такого тогда ни кто не читалъ, какъ пошлости, которую все же таки печатно огласили пошлостью, не читавши.

Тогда я только что кончилъ курсъ латыни — вещи самой ужасной, и курсъ философіи, изъ которой нашъ профессоръ съумѣлъ таки сдѣлать преглупую науку; та и другая увеличивали четырьмя лишними голами время тяжкаго заключенія въ стѣнахъ училища. — Отъ вообще мнѣ дались очень плохо, за то я сдѣлалася страстнымъ любителемъ романовъ; — и нѣ случилось прочесть *les aventures*